

— Дом мне подобрал мой университетский приятель Инь Фань. Сказал, что здесь дешево, фэн-шуй хороший, в общем, самое то для меня, — объяснял Гу И, перекладывая всю ответственность на Инь Фаня.

Тот, просидев всю ночь над документами, чихнул и тут же настроил сообщение в WeChat Цай Хуаню: «Брат Хуань, твой малыш простудился, не пора ли тебе вернуться в страну, чтобы отвезти его к врачу?»

— Не надо тут сказки рассказывать. Можешь переезжать, но тогда съеду я.

Цзянь Сэнь не верил ни единому его слову. У него полно недвижимости, и здесь он обосновался лишь потому, что близко к офису и удобно присматривать за Зай-заем. Если Гу И будет и дальше так настойчиво липнуть, он просто купит другую квартиру рядом с работой — не верится, что Гу И увяжется следом.

Гу И, больше всего боясь именно такого исхода, поспешил пойти на попятную:

— Брат Сэнь, я не буду тебе мешать, правда. Не стоит из-за меня так усложнять себе жизнь.

Цзянь Сэнь не стал тратить на него время, выхватил ключи от машины и сам загнал свой автомобиль в гараж виллы.

Гу И, видя, что тот действительно в ярости, отвесил себе пощечину и проворчал:

— Сам виноват, чего выпендривался? Ну и что теперь? Человека до бешенства довел!

Войдя в дом, Цзянь Сэнь все еще не мог успокоиться. Он жалел, что не врезал Гу И как следует.

— Папа...

Услышав шум, из комнаты выбежал Зай-зай. Стоя на верхней ступеньке, он еще сонно тер глазки кулачками. Заметив папу в гостиной внизу, малыш уселся на лестницу, ухватился за перила и, перебирая короткими ножками, начал медленно сползать вниз на попе.

Увидев, как сын спускается, Цзянь Сэнь испугался, что сонный ребенок может упасть, и поспешил к нему. Подхватив сына на руки, он спросил:

— Почему проснулся? Где тетушка Линь?

Зай-зай обнял папу за шею, широко зевнул, прижался щекой к его плечу и, по-детски ластясь, пробормотал:

— Ждал папу... папа спать...

— Да, прости, что заставил долго ждать.

Сонный вид сына растопил сердце Цзянь Сэня, и гнев, вызванный Гу И, мгновенно улетучился. Он отнес мальчика в свою спальню и уложил в центр кровати:

— Спи пока, папа примет душ и придет.

Вечером на приеме Гу Яньхэ облил его вином, потом пришлось ехать в больницу, и теперь от него самого исходил странный запах. Ему было неприятно, что уж говорить о ребенке.

Зай-зай, лежа на кровати, выставил попу кверху. Видимо, его все еще клонило в сон, поэтому он прикрыл глаза ладонками и пробормотал:

— Папа, быстрее.

Цзянь Сэнь улыбнулся и пошел набирать ванну.

Вернувшись домой, Гу И сразу поднялся на второй этаж. С балкона главной спальни как раз была видна комната Цзянь Сэня.

Окна напротив были задернуты шторами, но он заметил, как кто-то вошел в спальню с ребенком на руках и уложил его на кровать. Вероятно, это был сам Цзянь Сэнь. Гу И облокотился на перила и принялся наблюдать, расплывшись в улыбке, словно какой-то сталкер. Если бы Цзянь Сэнь узнал об этой слежке, то точно вызвал бы полицию.

Когда Гу И совсем погрузился в свои наблюдения, внезапно зазвонил телефон. Это был Ци И.

Гу И замер, не понимая, что могло понадобиться Ци И посреди ночи, но трубку все же взял.

— Давай послезавтра обсудим наше сотрудничество, — голос Ци И на другом конце провода звучал устало.

Гу И усмехнулся:

— У господина Ци есть привычка решать рабочие вопросы глубокой ночью?

Никто не любит работать по ночам, даже такой трудоголик, как Ци И. Просто он не мог уснуть из-за неприятностей с Чэнь Шаоланем и, не имея возможности выплеснуть эмоции, решил с головой уйти в дела.

— Обсудим или нет? — тон Ци И был жестким. Он знал, что Гу И не откажется.

— Можно, но у меня есть условие, — Гу И увидел в окне напротив силуэт Цзянь Сэня и усмехнулся: — Господин Ци, вы же скоро женитесь на моем дяде, так что, может, будете держаться подальше от брата Сэня?

Голос Ци И тут же стал ледяным:

— Не смешивай работу и личную жизнь.

— Ты хочешь сказать, что авария моего дяди не связана с этим? — Гу И не был дураком и все прекрасно понимал, просто из уважения к дяде не хотел говорить прямо. — Даже у самых близких друзей должны быть границы, верно?

Ци И промолчал. Вскоре связь прервалась.

Увидев, что свет в окне напротив погас, Гу И развернулся, вошел в комнату, взял одежду и отправился в душ.

На следующее утро, когда Цзянь Сэнь спускался вниз с Зай-заем на руках, к ним подскочила Фан Яо:

— Господин, давайте я помогу.

Зай-зай, явно не желая идти к ней, уткнулся лицом в грудь Цзянь Сэня:

— Не надо, не надо...

Цзянь Сэнь бросил на Фан Яо косой взгляд. Подумав, что сын боится из-за того случая с бассейном, он крепче прижал малыша к себе, погладил по спине и сказал:

— Не нужно, я сам его покормлю.

— Разве вам не пора на работу? Я присмотрю за ним, чтобы малыш не плакал и не искал вас, — попыталась убедить его Фан Яо.

Цзянь Сэнь нахмурился. Он не любил людей, которые переходят границы. В обязанности Фан Яо не входило нянчить ребенка, и ее подбострастие вызывало у него лишь неприязнь.

— ...Господин? — видя, что он продолжает держать сына, Фан Яо почувствовала укол ревности. Если бы она была с Цзянь Сэнем, разве родила бы ему ребенка какая-то другая женщина?!

— Не нужно. Занимайтесь своими делами.

Цзянь Сэнь прошел мимо нее, не желая продолжать пустой разговор. Глядя на его холодность,

Фан Яо закусила губу и топнула ногой. Она не верила, что проиграет какому-то двухлетнему ребенку!

— Брат Сэнь, удобно сегодня поехать вместе? — после завтрака Гу И позвонил Цзянь Сэню. — Моя машина осталась у отеля.

Цзянь Сэнь, прижав телефон плечом, завязывал галстук. Он замер и прямо ответил:

— Какое мне до этого дело?

— Брат Сэнь, я ведь вчера тебе помог, подвези меня разок.

Гу И, не стесняясь, уже подошел к его дому. Зай-зай, игравший в гостиной, увидел его через панорамное окно, подполз к стеклу, встал, держась за него, и, надув губки, крикнул:

— Плохой дядя!

— Здравствуйте, вы тетушка Линь? — Гу И помахал Зай-заю, указал на телефон в руке, потом на дом и спросил няню: — Можно мне войти?

Услышав голос сына в трубке, Цзянь Сэнь вздрогнул:

— Даже не вздумай трогать моего сына!

Из динамика послышался хитрый смешок Гу И:

— Так подбросишь меня?

— ...Подвезу! — прорычал Цзянь Сэнь.

Повесив трубку, Гу И начал корчить рожицы Зай-заю, заставляя того заливаться смехом. Тетушка Линь, видя, что тот уже приезжал с Цзянь Сэнем, приняла его за друга ипустила в дом:

— Господин еще наверху, скоро спустится.

Гу И мысленно поблагодарил тетушку Линь. Войдя в гостиную, он увидел, что Зай-зай смотрит на него с подозрением, присел на корточки и спросил:

— Зай-зай, скучал по дяде?

Малыш отступил на несколько шагов и замотал головой:

— Плохой дядя!

— Как нехорошо, Зай-зай. Ты же укусил дядю, мне было очень больно, — Гу И сделал скорбное лицо и начал понемногу приближаться.

Зай-зай, которому часто делали уколы, склонил голову набок и недоверчиво спросил:

— Правда больно-больно?

Гу И скорчил страдальческую гримасу:

— Очень больно! Нужно, чтобы Зай-зай поцеловал, тогда пройдет!

— ...Правда? — малыш был доверчив. Он подошел посмотреть на руку дяди, но не увидел следов зубов. Надувшись, он хлопнул Гу И по лицу: — Вредина!

Гу И почувствовал, как лицо обожгло болью. Он был уверен: ребенок точно родной сын Цзянь Сэнь, даже дерется так же.

— Врунишка! — Зай-зай, разозлившись, швырнул в него розовой пантерой и закричал в сторону лестницы: — Папа! Тут обманщик!

Цзянь Сэнь, уже одетый, спустился вниз и, услышав крик сына, в два счета оказался рядом. Он действительно увидел, как Гу И дразнит ребенка. В ярости схватив игрушку, он принялся колотить ею Гу И:

— Я же сказал тебе к нему не приближаться!

Гу И не успел увернуться и принял удар на себя.

— Брат Сэнь, выслушай меня!

— Слушать нечего! Кто разрешил тебе входить в мой дом?!

Цзянь Сэнь больше всего боялся, что у него отберут сына. Только он знал, как сильно заволновался, когда услышал призыв о помощи.

Зай-зай впервые видел, как папа дерется. Увидев, что плохой дядя повален, он забрался на диван подальше от поля боя и, стоя на возвышении, начал хлопать в ладоши, подбадривая папу:

— Папа, бей его! Давай!

Воодушевленный поддержкой сына, Цзянь Сэнь вошел во вкус. Бедный Гу И только и успевал уворачиваться от ударов розовой пантерой, не имея возможности ответить.

Фан Яо, принеся фрукты, увидела, как обычно сдержанный Цзянь Сэнь, словно ребенок, сидит верхом на незнакомом мужчине. Ее лицо побледнело, а затем пошло пятнами.

Она нарочно пошумела:

— Господин, Зай-заю пора пить молоко.

Услышав про молоко, малыш обрадовался, сполз с дивана и, подбежав к папе, облизнулся, как маленький гурман:

— Папа, молочко...

Цзянь Сэнь, еще не осознавший своей несдержанности, ткнул розовой пантерой в лицо Гу И и нежно улыбнулся сыну:

— Хорошо, малыш, тетушка Линь сейчас принесет.

Зай-зай энергично закивал. Увидев, что папа сидит на плохом дяде, он решил присоединиться и, прежде чем Цзянь Сэнь успел среагировать, влепил Гу И звонкую пощечину:

— Плохой дядя, бей тебя!

Малыш недавно смотрел мультики про супергероев, и в его голове все смешалось. Он принялся молотить Гу И своими маленькими ручками. Гу И, подыгрывая, начал изображать на полу предсмертные муки и «выплевывать кровь», что очень веселило ребенка.

Цзянь Сэнь, поняв, что ситуация выходит из-под контроля, поднял сына на руки и строго сказал:

— Зай-зай, нельзя так играть с дядей. Пойдем подальше.

Он боялся, что Гу И своими актерскими талантами окончательно охмурит сына.

Зай-зай вытаращил глаза и возмущенно возразил:

— Я не играю!

Гу И поднялся с пола и, видя, что Цзянь Сэнь отчитывает ребенка, не удержался:

— Брат Сэнь, он же еще маленький.

— Заткнись, тебя не спрашивали!

— Я бью плохого человека! — тревожно пояснил Зай-зай.

— Плохих людей будет бить папа. А ты будь послушным и не отходи от меня, — Цзянь Сэнь отчаянно пытался вразумить сына и снова зыркнул на Гу И: — Больше не смей входить в мой дом.

Гу И отряхнул помятую рубашку и с улыбкой негодяя ответил:

— Мы же с тобой даже ребенка завели, чего ты боишься?

Фан Яо, расставлявшая фрукты, замерла и невольно покосилась на Зай-зая.

— Не говори чепухи, — в присутствии посторонних и сына Цзянь Сэнь не решался обсуждать прошлое. — Выйдем и поговорим.

Гу И был доволен тем, что тот пошел на попятную. Он не удержался, подошел ближе и погладил Зай-зая по щеке:

— Зай-зай, хочешь двух пап?

— Гу И!

Цзянь Сэнь был в ярости. Он чувствовал, что Гу И пришел отнимать у него сына. Он толкнул его:

— Проваливай! Не смей больше приходить!

Гу И отбросил шутливый тон и серьезно сказал:

— Брат Сэнь, ты не сможешь вечно скрывать от него правду.

— Это тебя не касается!

Цзянь Сэнь закрыл сыну уши и холодно пригрозил:

— Если хочешь продолжать здесь дела, не делай лишних движений.

Хозяева ссорились, и няне было неловко оставаться. Фан Яо, проявив смекалку, вышла из гостиной, решив подслушать разговор. Но чем дольше она слушала, тем страннее казался диалог, хотя объяснить, что именно не так, она не могла.

Гу И внимательно посмотрел на Цзянь Сэня и глубоко вздохнул:

— Брат Сэнь, я обязательно добьюсь того, чтобы ты снова выбрал меня.

Цзянь Сэнь дернул щекой. Сколько лет этому придурку, а все ведет себя как подросток!

Гу И, полный уверенности, бросил эти слова и, помахав Зай-заю, ушел.

Зай-зай, прижавшись к папе, увидел, что плохой дядя ушел. Его глазки забегали, и, заметив Фан Яо, он склонил голову. Та поймала его взгляд и злобно сверкнула глазами.

— И-и... — Зай-зай вздрогнул от страха и уткнулся папе в грудь. — Плохой человек...

После утреннего переполоха Цзянь Сэнь в девять часов, как обычно, уехал. Фан Яо стояла на крыльце, держа Зай-зая на руках, и провожала его взглядом. Когда Майбах скрылся за поворотом, она перевела взгляд на ребенка.

От Зай-зая пахло молоком. Фан Яо этот запах был противен, ведь он напоминал ей о том, что Цзянь Сэнь тоже пропитался им из-за заботы о ребенке, что лишь распаляло ее ревность.

— Цзянь Мяо, тетя хочет спросить, — она усадила его в кресло-качалку во дворе, а сама села напротив. — Хочешь, чтобы я стала тебе мамой?

Кресло без поддержки взрослого сильно раскачивалось. Зай-зай испугался, вцепился ручками в веревки и, расплакавшись, замотал головой:

— Не надо, тетя... я боюсь, боюсь...

Лицо Фан Яо помрачнело:

— Почему?

— Тетя! Тетя... Зай-зай боится... М-м! — малыш изо всех сил звал тетушку Линь. Фан Яо, испугавшись, что он наделает шума, зажала ему рот и нос рукой и прошепела: — Заткнись! А то задушу!

— М-м-м...

Зай-зай не мог дышать, его лицо быстро покраснело. Наблюдая за его мучениями, Фан Яо холодно усмехнулась:

— Ты даже не представляешь, сколько проблем доставляешь папе. Вечно болеешь, он сам мечтает, чтобы ты сдох.

Ребенок был слишком мал, чтобы до конца понять значение смерти, но он почувствовал, что Фан Яо говорит гадости про папу. Он замахал ручками, пытаясь вцепиться ей в лицо. Фан Яо получила царапину на шее и, обезумев от ярости, ударила Зай-зая по лицу.

Малыш опешил, а затем разрыдался.

— Чего ревешь?! Заткнись, а то рот зашью!

Фан Яо с искаженным лицом продолжала угрожать. Зай-зай никогда не сталкивался с такой жестокостью. Он попытался сползти с кресла:

— Папа... я хочу к папе... у-у...

Фан Яо схватила его и притянула обратно:

— Не смей плакать!

Малыш от страха начал икать, сдерживая слезы:

— Хочу к папе...

— Что случилось? Зай-зай?! — тетушка Линь, готовившая молоко, услышала плач и прибежала. Она сразу увидела красный след на щеке ребенка, подхватила его на руки и начала успокаивать: — Малыш, что случилось?

Увидев тетушку Линь, Зай-зай обнял ее за шею:

— Папа, тетя, я хочу к папе... у-у...

— Фан Яо, что произошло? — спросила тетушка Линь. Она не верила, что слезы малыша не связаны с ней.

— Он неловко шел и упал, ударился об угол стола, — Фан Яо лгала, не моргнув глазом, и притворно потянулась к ребенку: — Малыш, дай тете посмотреть.

— Не надо! Уходи! Уходи! — Зай-зай оттолкнул ее руку и прижался к тетушке Линь: — Тетя, я хочу папу, хочу папу!

Когда Цзянь Сэню позвонила тетушка Линь, он стоял на светофоре.

— Господин, Зай-зай упал и ударился лицом, теперь плачет, хочет вас видеть.

Сердце Цзянь Сэня сжалось, он развернулся на красный свет и помчался домой. Как только машина въехала на виллу, он слышал душераздирающий плач.

— Папа, я хочу папу! — Зай-зай промок от слез, его голос охрип.

Тетушка Линь, боясь обезвоживания, пыталась дать ему молока, но он выбил бутылочку из рук, и она разбилась, разлетевшись на осколки.

— Папа скоро придет, малыш, не плачь, — тетушка Линь сама была в слезах, носила ребенка по дому и приговаривала: — Скоро придет, ты же у нас хороший, не плачь.

— У-у, папа... — Зай-зай хотел только увидеть отца, его глаза застилали слезы.

Когда Цзянь Сэнь вошел, он увидел беспорядок и сына, захлебывающегося в рыданиях. Зай-зай, увидев его, протянул руки:

— Папа...

— Зай-зай, папа пришел, — Цзянь Сэнь подхватил его. Увидев припухлость на щеке, он вздрогнул и начал бережно осматривать лицо.

На нежной коже виднелось красное пятно и несколько царапин, из которых сочилась кровь. Цзянь Сэнь был вне себя от боли за сына. Он сел на диван и спросил:

— Как ты ударился?

— Не упал! — Зай-зай не мог толком объяснить, поэтому яростно замотал головой. Он указал на двор, показал, как Фан Яо его ударила, и хлопнул себя по щеке: — Больно! Больно! Плохой человек!

Цзянь Сэнь посмотрел во двор и увидел Фан Яо. Их взгляды встретились, и она отвела глаза.

Зай-зай вцепился в его воротник:

— Ударь меня! Больно!

— ...Тетя Фан Яо ударила тебя? — осторожно спросила тетушка Линь.

Зай-зай кивнул, слезы градом покатались по щекам:

— Зай-зай боится...

Сердце Цзянь Сэня упало.

— Тетушка Линь, вы видели, что произошло?

Она готовила молоко и не видела, что было во дворе, поэтому покачала головой:

— Я услышала плач и выбежала. Фан Яо сказала, что он упал и ударился об угол стола у кресла.

— Нет! — Зай-зай вытер слезы. — Ударь! Больно!

Цзянь Сэнь верил сыну, но доказательств не было. Уголок у кресла был «слепой зоной» для камер. Если он обвинит Фан Яо без улик, она может вывернуться. Он решил успокоить сына:

— Хорошо, сегодня поедешь с папой в офис.

Зай-зай, чувствуя себя в безопасности рядом с папой, крепко обнял его за шею:

— Не хочу ее, папа, не хочу...

— Хорошо, слушаюсь тебя. Не будет ее.

Цзянь Сэнь успокоил сына, а так как Фан Яо все еще что-то делала во дворе, он наказал тетушке Линь следить за ней. Одновременно с этим он решил установить больше камер и проверить прошлое Фан Яо. Если она действительно причинила вред его сыну, он не проявит жалости.

После звонка он вызвал водителя, переодел сына и приготовился ехать в офис. Когда они уехали, Фан Яо, глядя вслед машине, затаила злобу:

«Этот проклятый бастард не должен жить!»

...

— Зай-зай, почему у тебя щечка такая красная?

<http://bllate.org/book/20421/2039821>